

УДК 1(091)

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО
ФАЙЕРАБЕНДА
ВВЕДЕНИЕ¹

И. Кант*

Все *императивы* условны или безусловны, условные — либо проблематичны (императив умения), либо ассерторичны (императив благоразумия). Безусловный императив мудрости аподиктичен; все *императивы*, следовательно, либо *гипотетичны*, либо *категоричны*. То, что нужно говорить правду, совершенно безусловно. Как возможен такой *категорический* императив? *Категорические* императивы повелевают без эмпирических условий. И хотя у них могут быть условия, но [это условия] *a priori*, и тогда само условие *категорично*. Все произвольные цели относятся в конечном счете к счастью. Оно — сумма достижения всех целей. Но счастье является эмпирическим условием, ибо я не могу знать, будет ли нечто способствовать моему счастью и как я стану счастливым, но я должен это сначала испытать. — Императивы благоразумия прагматичны. Законы называют прагматическими санкциями, которые нацелены на всеобщее благо (*Wohl des gemeinen Besten*). Прагматические истории — это те истории, которые делают благоразумным. Прагматично то, что служит содействию счастью. *Прагматические императивы* отличаются от моральных. *Императивы* умения лежат в основе прагматических, так как я учусь чему-то потому, что я полагаю, что это может однажды поспособствовать моему счастью, если я могу себе такое помыслить. Поэтому счастье не является *моральным принципом*. Не могу ли я дать правила счастья *a priori*? Нет, хотя я и могу мыслить себе счастье вещи, но в чем оно состоит, этого я не могу помыслить себе *a priori*. Приятность — это не понятие, а

---

¹ Перевод осуществлен по изданию: *Kant I. Lezioni sul Diritto Naturale (Naturrecht Feyerabend)* / a cura di N. Hinske, G.S. Bordoni. Milano, 2016. P. 78–89. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 16-03-00806а. Начало см.: *Кант И. Естественное право Файерабенда. Введение* // Кантовский сборник. 2016. Т. 35, № 3. С. 75–81.

* Поступила в редакцию: 12.07.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-4-4

© Крыштоп Л.Э., пер., 2016

ощущение того, как я *аффицируюсь* вещью. Поэтому-то у меня и не может быть никакого правила счастья *a priori*, так как я не знаю случая *in concreto*. Следовательно, прагматический императив основывается только лишь на эмпирических условиях. Шефтсбери говорит: счастье не придает морали совершенно никакой ценности². Поэтому чтобы придать моральности ценность, мы должны предполагать, что благорасположение или нерасположение человека заключено в самом поступке. Это он называет моральным чувством. Поступки не имеют ценности, если я ощущаю наслаждение только лишь от их последствий, ибо поступки имеют ценность только лишь как средства; так же говорит и Хатчесон³. Следовательно, моральный императив все же не категоричен, так как предполагается, что ценностью в своих моральных поступках обладает только то существо, которому было дано это чувство, и это чувство нельзя установить *a priori*, но можно установить лишь из опыта. То, чему учит нас опыт, случайно: необходимость этого чувства мы не можем усмотреть *a priori*. Поэтому ценность морального поступка есть только лишь у того, у кого есть моральное чувство, и, дать ли нам подобное чувство, зависит от воли наивысшего существа, а сами по себе моральные поступки ни добры, ни злы. И хотя у человека имеется подобное

² Обращение Канта к работам Шефтсбери имеет длинную историю. Уже в программном сочинении середины 60-х годов XVIII века Кант положительно отзывался об этом авторе (см.: *Kant I. Nachricht von der Einrichtung seiner Vorlesungen in dem Winterhalbjahre, von 1765–1766*. A 13; *Кант И. Уведомление о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 г.* // Собр. соч. : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М., 1994. Т. 2. С. 199). Кант ссылается на него и позднее, в частности, мы находим упоминания о нем в диссертации 1770 года (*Kant I. De mundi sensibilis atque intelligibilis forma et principiis*. A 11; *Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира* // Собр. соч. : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М., 1994. Т. 2. С. 290), в записях лекций Канта по моральной философии середины 70-х годов (*Kant I. Vorlesung zur Moralphilosophie* // hrsg. von W. Stark. Berlin; N. Y., 2004. S. 23; *Кант И. Лекции по этике* / пер. А. К. Судакова, В. В. Крыловой. М., 2000. С. 46) и в записях лекций Канта по естественной теологии (см.: *Kant I. Vorlesungen über die philosophische Religionslehre* // hrsg. von K. Beyer. Halle, 1937. S. 142; *Кант И. Лекции о философском учении о религии* / пер. Л. Э. Крыштоп. М., 2016. С. 132), а также в «Метафизике нравов» (см.: *Kant I. Die Metaphysik der Sitten*. AV 10; *Кант И. Метафизика нравов* // Соч. на немецком и русском языках / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М., 2014. Т. 5, ч. 1. С. 29).

По всей вероятности, Канту были хорошо знакомы переводы работ «Моралисты, философская рапсодия» и «Опыт о достоинстве и добродетели», выполненные И. И. Шпальдингом и вышедшие в 1745 и 1747 годах соответственно: *Die Sittenlehrer, oder Erzählung philosophischer Gespräche, welche die Natur und die Tugend betreffen*. Berlin, 1745; *Untersuchung über die Tugend*. Berlin, 1747 (см.: *Kant I. Vorlesung zur Moralphilosophie*. S. 23. Anm.). Возможно, ему были также знакомы вышедшие позднее переводы: «Sensus Communis: опыт о свободе остроумия и чувстве юмора», содержащийся в трактате Ф. К. Этингера (см.: *Oettinger F. Ch. Die Wahrheit des Sensus Communis oder des allgemeinen Sinnes*. Tübingen, 1753) и «Характеристики людей, нравов, мнений, времен», выполненный Х. А. Вихманном (*Characteristicks, oder Schilderungen von Menschen, Sitten, Meynungen und Zeiten*. Leipzig, 1768).

³ Взгляды Хатчесона были знакомы Канту по двум имеющимся у него переводам работ этого философа на немецкий язык: *Hutcheson F. Abhandlung über die Natur und Beherrschung der Leidenschaften und Neigungen und über das moralische Gefühl insonderheit*. Leipzig, 1760; *Hutcheson F. Untersuchung unsrer Begriffe von Schönheit und Tugend in zwo Abhandlungen*. Frankfurt; Leipzig, 1762. См.: *Warda A. Immanuel Kants Bücher*. Berlin, 1922. S. 50.

моральное чувство, но оно не предшествует знанию *морального* правила и не делает его возможным, а только следует из него. Если же моральное чувство у человека является причиной того, что он признает поступки либо добрыми, либо злыми, то эти чувства могут быть разных степеней. И так как *моральное* чувство не сильнее, чем все остальные чувства, и так как оно не может быть доказано, то оно такое же, как и все физические чувства, и поэтому человек среди чувств будет выбирать то, что ему кажется наиболее удовлетворительным. Это вовсе не зависит от того, откуда проистекает чувство. Все нас прельщает. Только лишь по степени чувства различны, по *species*⁴ — одинаковы. *Моральные* же законы повелевают так, что инстинкт и чувство не могут возобладать. Поэтому *моральное* чувство должно было бы быть величайшим, но это не так. Человек был бы глупцом, если бы он следовал за меньшим чувством, предпочитая его большему.

Если бы *моральное* чувство было величайшим, то каждый был бы праведен. Добродетель нравится больше всего остального; когда я представляю ее себе *a priori*, то я больше желал бы себе обладать таким чувством, которое сильнее всего влекло бы меня к добродетели. Расположение основывается на одобрении разума. Если бы добродетель была бы для меня наслаждением превыше всего остального, то я всегда был бы праведен. *Моральные* законы всегда категоричны и обладают обязательностью, то есть *моральным* понуждением (*Nöthigung*) к поступку. Поступок, к которому я понуждаюсь *моральными* законами, является *долгом*. *Моральный* закон предшествует. Если воля сама по себе блага, то *моральный* закон не нуждается в обязательности. Если же нет, то она должна понуждаться. *Мораль* не должна проистекать из склонности, это знает и обыденный рассудок. У всех людей есть склонность к жизни. Если некто заболевает, он ищет всевозможной помощи, и тогда он делает это из склонности. Если же человек в своей жизни несчастен, и все же, когда он болен, он заботится о своей жизни, то это он делает точно не из склонности, а из долга. В последнем — *моральное* содержание. Если мужчина женится на прекрасной женщине, то он будет любить ее из склонности. Если же она по прошествии времени покрылась морщинами, а он все же ее любит, то это он делает из долга. *Моральный* поступок не имеет ценности, когда он проистекает из склонности, но [имеет таковую] если он проистекает из долга. Поступок может быть сообразен долгу, но не происходить из долга. Мы должны совершать *моральные* поступки без малейших мотивов, только лишь из долга и уважения к *моральному* закону. Закон должен из себя самого определять волю. Если поступки совершаются из долга, то они обладают *моральной* ценностью. Только лишь всеобщая закономерность должна меня обязывать. Если каждый не сдерживал бы свое обещание и это было бы всеобщим правилом, то это вовсе не могло бы иметь значения всеобщего закона, ибо тогда никто не обещал бы, так как он знал бы, что он не сдержит [свое слово], и что другой это тоже знает.

Обязательность — это *моральное* понуждение к поступку, то есть зависимость самой по себе не благой воли от принципа автономии, или объективно необходимого практического закона. Долг — это объективная необходимость самого поступка из обязательности. Уважение — это оценка ценности, поскольку она ограничивает всякую склонность. Мы уважаем кого-то тогда, когда ценим его настолько, что ограничиваем наше самолюбие и т. д.

---

⁴ Род (лат.).

Мы ценим его выше самих себя. Поступки не должны совершаться из необходимости склонностей. Если поступок совершается из страха, то тогда это не долг. Поэтому ценность должна находиться в самом долге. Все законы могут понуждать волю либо посредством их закономерности, либо посредством присовокушающихся мотивов, или же посредством принуждения (*Zwang*) и страха. Закон понуждает посредством склонности и страха не сам по себе, а обусловленно; закон, понуждающий сам по себе, должен понуждать из уважения. В уважении я оставляю в стороне свою склонность, я полагаю в поступках *абсолютную* ценность. Наш *автор*⁵ и другие говорят об *obligatio per poenas*⁶, так же говорит и *Баумгартен*⁷. Но обязывать кого-то посредством *Poenas*⁸ и *Praemia*⁹ является *contradictio in adjecto*¹⁰, ибо тогда я побуждаю ее [волю] к поступкам, которые она совершает не из обязательности, а из страха и склонности. Я могу принудить ее посредством этого также и к вещам, которые для нее даже и не обязательны. Но как же закон может иметь уважение к самому себе и посредством этого также и понуждать? Бог не имеет уважения к закону, ибо у него нет склонности, которую должно ограничивать уважение. Уважение — это нечто понуждающее, а в Боге не может быть ничего понуждающего. Разумное существо как цель сама по себе должно обладать своей собственной волей, и поэтому она должна быть свободной. Человеческая воля как свободная не может определяться мотивами, ибо тогда она была бы не свободной, а как у животных. Она была бы определена природой. Но если ее не определяет мотив и она все же не может существовать без закона, то закон должен определять ее уже как закон. Поэтому ее должна определять его форма, следовательно, она должна иметь уважение к закону. Если я спрашиваю, должен ли я отдать другому вверенный мне *депозит*¹¹. Если бы ее [волю] определяла склонность, то она его удержала бы. Но она свободна, поэтому она должна иметь закон. А закон таков, что ты должен отдать депозит. Есть ли мне от этого польза? Нет. Должен ли я опасаться, что это выйдет наружу? Но это может быть тот, кто уже умер, и я могу это отрицать.

Если бы я сделал всеобщим правилом то, что каждый, если ему это угодно, хотел бы и мог бы удержать *депозит*, то это никогда не могло бы стать всеобщим законом, ибо тогда никто ничего бы не *отдавал на хранение*. Следовательно, если моя воля не должна быть разнуданной, а должна иметь законы, то тогда они должны быть таковы. Уважение закона основано на том, что это является таковой возможностью, когда поступок может подлежать всеобщим законам. — Выплатить должное является долгом. Обязательность — это *отношение* к закону, здесь — к *договору*. *Легальность* — это согласие поступка с долгом, невзирая на то, является ли оно его определяющим основанием. *Моральность* — это согласие поступка с долгом, по-

⁵ См.: *Achenwall G. Prolegomena iuris naturalis in usum auditorum. Göttingen, 1781. § 55. P. 47.*

⁶ Обязательность посредством наказаний (лат.).

⁷ См.: *Baumgarten A.G. Initia philosophiae practicae primae acroamatice. Halle, 1760. § 120. S. 58, 177.*

⁸ Наказания (лат.).

⁹ Награды (лат.).

¹⁰ Противоречие в определении (лат.).

¹¹ Ср.: *Kant I. Kritik der praktischen Vernunft. A 49-50; Кант И. Критика практического разума // Сочинения на русском и немецком языке : в 4 т. / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М., 1997. Т. 3. С. 341.*

сколькx он является его определяющим основанием. Во всех *юридических* поступках *легальность* является сообразностью долгу, но не *моральностью*; они совершаются не из долга. В случае *легальности* смотрят лишь на то, поступаю ли я сообразно долгу, в остальном безразлично, поступаю ли я из уважения или из склонности и страха. Но если я принимаю во внимание закон не из уважения к закону, то они [поступки] не *моральны*. Большинство сообразных долгу поступков людей по большей части *легальны*, особенно те, к которым можно принудить насильственно. Легальным является погасить свой долг в положенное время. Если я знаю, что кредитор является пунктуальным человеком, то я делаю это из страха. Если бы он был уступчив, то, возможно, я постоянно оттягивал бы это.

Этика — это наука оценки и определения поступков по их *моральности*. *Право* — наука оценки поступков по их *легальности*. *Этика* называется также учением о добродетели. *Право* может относиться к поступкам, которые могут быть вынужденными. Ибо при этом безразлично, совершаются ли поступки из уважения, страха, принуждения или склонности. *Этика* не относится к поступкам, которые могут быть вынужденными; *этика* — это практическая философия поступка в отношении умонастроений. *Право* — практическая философия поступков без оглядки на умонастроения. Все, в чем есть обязательность, относится к *этике*, а следовательно, и все обязанности. *Право* относится к обязанностям и поступкам, которые сообразны закону, но могут быть вынужденными. Поступок называется правильным тогда, когда он согласуется с законом; добродетельным же тогда, когда он происходит из уважения к закону. Потому поступок может быть правильным, и все же не быть добродетельным. Умонастроение поступать из долга, из уважения к закону — это добродетель. *Этика* содержит учение о добродетели, *право* — учение о праве.

Если поступок сообразен принуждению, то он все же может быть законосообразен. Говорят, что право — это учение об обязанностях, к которым можно или должно принуждать насильственно, но это основано на следующем: долг — это понуждение, поэтому он должен быть обязательным и без уважения к закону и может совершаться и посредством принуждения. Помимо принуждения и уважения, ничто не понуждает к поступку. Принуждение — это ограничение свободы. Поступок является правильным тогда, когда он сообразен закону, *правовым* же тогда, когда он сообразен законам принуждения, то есть сообразен учениям о праве. Правильным называют вообще все, что сообразно правилу. Поэтому *linea*¹² называется *recta*¹³, когда она идет *параллельно* линейке, а линейка называется правилом. Соответственно, то, что правильно, является либо добродетельным, либо правовым. Когда поступок принудительный? Поступок, устрояемый по всеобщему правилу свободы, правильный; если он противостоит свободе по всеобщему правилу, то он неправильный. Намерение тут может быть каким угодно. Свойством моего поступка может быть лишь то, что он сообразен всеобщей свободе. Я не должен ничего ни у кого красть, но также и не должен ничего давать. Поэтому я не поступаю неправильно, когда я вижу кого-то изнемогающим и не помогаю ему. Это *actio justa*¹⁴. Поступок внешне

¹² Линия (лат.).

¹³ Прямая (лат.).

¹⁴ Правовой поступок (лат.).

правилен, хотя внутренне — нет. Я желаю только лишь не красть у другого его счастья, остальное меня совершенно не касается, он может стараться стать счастливым как ему угодно. Поступок, противостоящий тому, который противоположен всеобщей свободе, является правильным. Противостояние неправильному поступку является препятствием поступку, противостоящему всеобщей свободе, а следовательно, является содействием свободе и согласию частной свободы со всеобщей свободой. Противостояние поступку, [проистекающему из] свободы другого — это принуждение. Согласие частной свободы со свободой всеобщей является верховным *принципом* права, это закон принуждения.

Наш *автор* и другие авторы *определяют* право без рассмотрения науки законов, к соблюдению которых можно принудить, и каковое принуждение не противостоит долгу. Принуждение правомерно, когда оно содействует всеобщей свободе. Закон поступков, к которым кого-то можно принудить, — это *закон принуждения*, а соответствующее ему право — это право принуждения. Право, не являющееся правом принуждения, — это *совестливость* (*Billigkeit*)¹⁵. Последнее является *jus late dictum*¹⁶, первое — *jus stricte dictum*¹⁷. Совестьливость — это лишенное принуждения право. Имеющаяся у кого-то повинность соблюдать закон, к чему этот кто-то однако не может быть принужден, является свободной от принуждения повинностью. Меня можно принудить ко всему тому, что необходимо для сохранения всеобщей свободы. Совестьливость — это *этическое* право. Если я могу в строгом соответствии с правом требовать нечто от другого, то я могу, если он уклоняется, принудить его к этому; но если я могу требовать нечто по совести (*aus Billigkeit*), то это его повинность, но принудить я его не могу. Поступок, согласующийся со всеобщим законом по явленным, а не по внутренним умунастроениям, является [совершенным] не по совести. Это несовершенно право, а не право совершенное или же строгое, которое таково, что к нему меня можно принудить. Это несовершенно право, но все же по-прежнему право. Моя свобода находится в согласии со свободой другого, когда он находится в согласии с этим. Если я договариваюсь со своим служащим, что я буду платить ему 20 талеров в год, а между тем настали столь тяжелые времена, что он не может на эти деньги выжить, то, пусть даже он и просит меня об этом, я не поступаю по отношению к нему неправильно, когда плачу ему не более 20 талеров, ибо я поступаю в соответствии с его явленными умунастроениями¹⁸. Но я поступил не по совести, так как он подразумевал, что он будет удовлетворен этими деньгами, пока это будет позволять дешевое время года. Я мог предположить его намерение. Следо-

---

¹⁵ Понятие *Billigkeit*, используемое Кантом, крайне сложно однозначно перевести на русский язык. В существующих на сегодняшний день изданиях кантовских работ можно встретить разные варианты его перевода: справедливость, равенство притязаний, честность. В данном случае термин *Billigkeit* будет переводиться как «совестьливость». Подробнее о самом понятии *Billigkeit* и о сложности его перевода на русский см.: *Крыштон Л. Э.* Лекции Канта по естественному праву: справедливость и совестьливость // Кантовский сборник. 2016. Т. 35, № 4. С. 63–72.

¹⁶ Право в широком смысле (лат.).

¹⁷ Право в узком смысле (лат.).

¹⁸ Ср.: *Kant I.* Vorlesungen über die philosophische Religionslehre // hrsg. von K. Beyer. Halle, 1937. S. 152; *Кант И.* Лекции о философском учении о религии. М., 2016. С. 141–142.

вательно, у него действительно есть право, но не право принуждения; ибо умонастроения не могут подпадать под законы принуждения, так как они являются внутренними. [Совершённое] по совести может называться *этически* правовым.

Поэтому мы не будем совершать поступки по совести, но только лишь из строгого права. Юристы часто ошибаются, часто принуждая к совестливости. *Этика* содержит в себе обязанности строгого права и совестливости. Право относится к свободе, совестливость — к намерению. Если я не содействую счастью кого-то другого, то я не нарушаю его свободу, но оставляю ему делать то, что он хочет. Свобода должна согласовываться со всеобщностью; если же этого не происходит, то некто может быть принужден, ибо он препятствует свободе. Здесь причиной права является не счастье и не повеление обязанностей, а свобода. *Автор* в своих *Prolegomena*¹⁹ основывается на том, что имеется божественный закон и что мы посредством него станем счастливыми; но это здесь совсем не обязательно. Кажется, его *Prolegomena* должны относиться к обзору особого *Collegii*²⁰.

Перевод с нем. Л. Э. Крыштон

---

¹⁹ Кант имеет в виду компендиум Ахенваля по естественному праву: *Achenwall G. Prolegomena iuris naturalis in usum auditorum*. Göttingen, 1758.

²⁰ Учебный курс (лат.).